

Толкачева С. В. Традиционные рекрутские обряды русского населения Удмуртии: этнографические параллели с рекрутскими обрядами народов Урало-Поволжья / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 272—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-272-285.

Tolkacheva, S. V. (2020). Traditional Recruitment Rites of Russian Residents of Udmurtia: Ethnographic Parallels with Recruitment Rites of Ural-Volga Region Peoples. *Nauchnyi dialog*, 8: 272-285. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-272-285. (In Russ.).

УДК 398.8(470.51)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-272-285

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕКРУТСКИЕ ОБРЯДЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ С РЕКРУТСКИМИ ОБРЯДАМИ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

© Толкачева Светлана Викторовна (2020), orcid.org/0000-0002-9362-3017, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), svetlana-tolk@mail.ru.

Статья посвящена реконструкции русского рекрутского обряда, бытовавшего на территории современной Удмуртии в начале и середине XX века. Источниковой базой для реконструкции послужили этнографические рассказы, зафиксированные автором в 90-е годы XX века в фольклорно-этнографических экспедициях Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. В результате предварительного анализа и систематизации материала доказано функционирование в данном регионе единой, общей структуры ритуала. Продемонстрирована тенденция, связанная с направленностью русской традиционной культуры региона к объединению в два крупных этнокультурных ареала. Актуальность работы обусловлена тем, что рекрутские обряды русских жителей Удмуртии впервые рассмотрены в контексте традиционных рекрутских обрядов других народов Урало-Поволжья. Представлены результаты сопоставительного анализа русских рекрутских обрядов, бытующих в Удмуртии, и традиционных рекрутских ритуалов башкир, бесермян, коми-пермяков, марийцев, татар, чувашей, удмуртов, проживающих в Урало-Поволжье. Доказано типологическое сходство рекрутских обрядов данных народов. В результате анализа обнаружены многочисленные этнографические параллели в проведении традиционных рекрутских обрядов у народов Урало-Поволжья и русского населения современной Удмуртии.

Ключевые слова: некрут; русский обрядовый фольклор Удмуртии; проводы; рекрутские обряды; Урало-Поволжье.

1. Введение

Рекрутские обряды являлись неотъемлемой частью русской традиционной культуры, бытовавшей вплоть до 60—70-х годов XX века на тер-

ритории современной Удмуртии. В данной статье предлагается краткий анализ и попытка реконструкции русского рекрутского обряда на основании этнографических рассказов, зафиксированных автором в 90-е годы XX века в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в указанном регионе. Этнографическая составляющая рекрутских обрядов русского населения Удмуртии рассмотрена в контексте традиционных рекрутских обрядов других народов Урало-Поволжья.

В проведении русских рекрутских обрядов в Удмуртии условно можно выделить два этапа. Первый этап начинался после извещения семьи молодого человека о призыве. Начало второго этапа знаменовал *прощальный вечер* накануне отправления рекрута в армию. Завершался обряд проводами призывника и его отъездом.

В русских диалектах, бытующих на территории Удмуртии, термин *рекрут* заменялся терминами *некрут* или *солдат* (здесь и далее курсивом выделены диалектные слова, выражения, тексты, записанные в ходе бесед с информантами).

2. Традиционный рекрутский обряд русского населения Удмуртии

2.1. Первый этап рекрутского обряда

В южном этнокультурном ареале Удмуртии (подробнее об этнокультурных ареалах см. [Стародубцева, 2001, с. 10—13]) первый этап рекрутского ритуала назывался в *некрутах гулять*. *Гуляния некрута* в разных диалектных традициях и этнокультурных ареалах были неодинаковы по продолжительности. В северных районах Удмуртии первый этап длился две недели и более, в южных районах — не менее месяца [Толкачева, 2019, с. 294—295].

Узнав о перспективе предстоящей службы, молодой человек резко менял занятия, образ жизни на оставшийся период. Он посещал односельчан и родственников в окрестных деревнях с известием о своей повестке, катался с друзьями на лошадях. По воспоминаниям уроженца Якшур-Бодьинского района П. П. Фертикова, после известия о призыве рекрут начинал с большим рвением помогать родителям по хозяйству [Фертиков, 2008, с. 58].

Упряжь для гуляний *некрута* по аналогии с другими семейными и календарными обрядами региона — катаниями молодежи в Масленицу и во время свадьбы — празднично украшалась колокольчиками, бубенцами, лентами, платками, цветами [Болдырева и др., 2018, с. 35]. В руках у *некрута* всегда была гармонь. Приведённое ниже описание масленичных катаний в дер. Черепаново Воткинского района идентично воспоминаниям большинства русских жителей о любых традиционных катаниях на лоша-

дях: *Девки, парни! Гармони ревут! Такое весёлле! Беда! Весело было, весело! [Лошадей]... украшают! Колокольи, ленточки навешают, платочки! Ага!...* [Кузнецова; Молкова].

В дер. Березек Вавожского района при перемещении в повозке люди стояли. Они держались за верёвку, которая натягивалась по центру повозки [Толкачева, 2019, с. 294].

В северном этнокультурном ареале Удмуртии *гостевания некрута* существенно отличались от подобного обычая, бытовавшего в южном этнокультурном ареале. Посещая родственников и знакомых, *некрут* приглашал их на *последние столы* (прощальный вечер), в ряде населённых пунктов он прибывал к матице монетой *ленту / тряпку*. Хозяева вешали на *некрута* полотенца, давали ему деньги. В дер. Андриёнки Балезинского района *некрут* постоянно ходил в связанных полотенцах, надетых на него родителями после известия о призыве [Там же, с. 295].

2.2. Второй этап традиционного рекрутского обряда русского населения Удмуртии

Завершался традиционный рекрутский обряд прощанием *некрута* со всеми родными и друзьями накануне или в день отправления и проводами. По всей территории современной Удмуртии данный этап оформлялся сходным образом, с незначительными вариантами. Родственники, соседи, друзья *некрута* приходили на *последние столы / проводы / провожаны / вечерку*. Во время трапезы постоянно звучали песни. В дер. Самки Глазовского района под заключительную песню *последнего стола* «А вечер я был мальчишка» все гости по очереди водили *некрута* за руку по избе [Толкачева, 2019, с. 296]. Гости дарили *некруту* подарки — полотенца, платочки и кисеты с вышитыми пожеланиями, а также деньги. В южном этнокультурном ареале подобные подарки могли положить на носовой платок, лежащий на блюде [Дурновцев; Дурновцева]

В северном этнокультурном ареале Удмуртии на *прощальном вечере*, аналогично предыдущим дням, гости поочередно накидывали на шею *некрута* полотенца. Также мать *некрута* вешала полотенце и при его выходе из дома на место сбора, а если он отъезжал на лошадях — прикрепляла полотенце к дуге [Толкачева, 2019, с. 295].

В северных и центральных районах Удмуртии было принято, чтобы *некрут* прибывал к матице монетой алуя ленту, которые он сам снимал после возвращения из армии. В дер. Архипята Балезинского района *некрут* мог приколоть ленту к своей шапке, которую потом оставлял дома [Там же]. В дорогу *некруту* обычно подготавливали выпечку *орешки* (мучные шарики, выпекаемые на сметане).

Перед выходом из дома мать благословляла *некрута* иконой и молитвой, читала молитвенные слова. Некоторые информанты сообщают, что *некрут* забирал икону, которой его благословляли, и / или листок / книгу с молитвами, с собой на службу [Богданова, 2019].

Выходя из дома, *некрут* мог ненадолго возвратиться обратно, *дак штоб опётъ обратно за стол же за тот сяс <...>, штобы он вернулся обратно за этот же стол* [Дурновцев; Дурновцева]. В селе Карсовой *некрут* смотрел в печь, на очаг, крестился и только потом уходил из дома, или он доставал из печи каравай, предварительно положенный туда матерью, откусывал от него кусочек [Богданова, 2019].

Еда на столе в день проводов служила своеобразным оберегом *некрута*. В селе Камское Каракулинского района существовало поверье, что еду со стола в день проводов и ещё два-три дня убирать нельзя, она *ночуёт тут-о-ка* [Дурновцев; Дурновцева].

В большинстве локальных традиций до места сбора *некрут* и провожающие шли пешком. *Некрута* подхватывали под руки и пели песни.

В Каракулинском районе, в частности, в селе Вятское [Толкачева, 2019, с. 296] и в дер. Боярка, во время вывода *некрута* из дома и его проводов до места сбора несколько девушек шли перед ним *вперёд пятками* (вперёд спинами, лицом к *некруту*): *Когда уже некрута́, когда уже на машину из дому... А он [рекрут] идёт к тебе лицом. Он по пути идёт, а мы идём взади вот, взад пятками. Ну, он идёт с девкой, ну, там, подружкой... Некрут, там, с невестой, мама-папа у него там, кто-куся́, сёстры идут вот, с нём рядом...* [Кашникова].

Садясь в автобус, *некрут* махал подаренным ему носовым платком.

Итак, в результате предварительного анализа полевых материалов фольклорно-этнографических экспедиций 90-х годов XX века, собранных автором на территории современной Удмуртии, и предпринятой реконструкции этнографического оформления русских рекрутских обрядов выявились две основных тенденции. Первая — это функционирование в данном регионе единой, общей структуры ритуала. Вторая тенденция связана с бытованием в различных диалектных традициях оригинальных эпизодов, имеющих склонность к повторению или незначительному варьированию в пределах одного этнокультурного ареала.

3. Этнокультурные взаимодействия

Традиционный рекрутский обряд русских жителей Удмуртии обнаруживает значительное сходство с рекрутскими обрядами других народов, проживающих в Урало-Поволжье — удмуртов, бесермян, чувашей, башкир, ма-

рийцев, коми-пермяков, татар. Повсеместно на данной территории сходным образом проводились *гостевания*, были аналогичными традиции прибывания ленточек, катания на лошадях, ритуальных угощений гостей, преподнесения новобранцу полотенец и подарков, благопожеланий, исполнения песен. Наибольшее количество параллелей можно провести с рекрутскими обрядами бесермян, удмуртов, чувашей, марийцев, коми-пермяков.

3.1. Ленты. Чук. Платки, платочки

Аналогично рекрутским обрядам русского населения Удмуртии в традиционных рекрутских обрядах других народов Урало-Поволжья подарками для новобранца могли служить отрезки холста, одежда, платки, лоскуты, ленты, полотенца, платочки, кисеты, нитки, перчатки, чулки, бельё, портянки. Предметы из ткани обладали разнообразной семантикой, например, представляли собой оберег новобранца [Алламуратова, 2015, с. 90; Петров, 2015, с. 62].

Подобно рекрутским обрядам русских жителей Удмуртии, у удмуртов, бесермян, чувашей полотенца, навешиваемые на рекрута родителями, а также родственниками и друзьями во время *гостевания*, не снимались вплоть до его проводов [Петров, 2015, с. 61].

Лентами, полотенцами, платками украшалась упряжь для перевозки рекрута и его сопровождающих в удмуртских, бесермянских, коми-пермяцких, чувашских ритуалах [Кудрявцева, 2017, с. 82; Петров, 2015, с. 60; Черных, 2007, с. 113].

Характерной обычай для рекрутского обряда удмуртов, бесермян, чувашей и русских, проживающих в северных районах Удмуртии, — прибывание монетой ленты или лоскута, чаще красного цвета. В удмуртском и бесермянском рекрутском обряде *чук / туг / чача / син-пельлы* — «один или несколько лоскутов или ленточек, вбитые монетой в магию... Согласно поверьям, чем больше лоскутков / ленточек оставит новобранец, тем удачнее пройдет его служба в армии. В современной традиции *чук / туг* расценивается как своеобразная памятка / подарок родному дому / родственникам <...>, апотропейная функция которого непосредственно связана с матицей и ее обережными свойствами» [Владыкина и др., 2018, с. 144—146].

В бесермянском обряде *чук* могли прибывать к воротам [Попова, 2011, с. 149], в удмуртском — прицеплять новобранцу на грудь или вбивать *туг* в специальное дерево [Назмутдинова, 2017, с. 83].

Аналогично русскому рекрутскому обряду, в удмуртской традиции «ленточка на память <...> висела до возвращения солдата. Вернувшись со службы, он сам ее снимал. Одновременно в доме могло висеть несколько ленточек, и хозяева помнили, кто прибывал каждую из них» [Ирисова].

3.2. Еда

Традиционно наделялась функцией оберега рекрута еда — хлеб, выпечка, сладости (*колобки, орешки, чак-чак*). Помимо мучных изделий, магические «охраняющие» свойства в рекрутском обряде приписывались сахару, соли, маслу, молоку, молочным продуктам. У татар, башкир в рекрутских обрядах большое внимание уделялось блюдам из курицы [Алламуратова, 2015, с. 91; Черных, 2007, с. 254].

И. Г. Петров приводит уникальные сведения, свидетельствующие о сакральной функции хлеба в чувашском рекрутском обряде, и утверждает, что отрезание / откусывание от каравайя ломтя и его дальнейшее сохранение способствовало благополучному возвращению солдата домой, чтобы, вернувшись, он мог «еще раз взять в руки хлеб...» [Петров, 2015, с. 67]. Аналогичные обычаи бытовали у удмуртов, башкир, коми-пермяков, пермских татар [Назмутдинова, 2017, с. 84; Черных, 2007, с. 113]. А. Г. Черных отмечает, что «сами действия с караваем и их интерпретации часто варьируются в разных деревнях» [Черных, 2007, с. 253]. Например, у марийцев Пермского края хлеб заворачивали в полотенце, висевшее на шее призывника, и помещали его на чердак до возвращения солдата [Черных и др., 2013, с. 276].

В башкирской традиции «молодого человека по обычаю мать поила молоком или другим молочным продуктом, а также давала откусить хлеб, который обводили вокруг пояса и берегли до возвращения <...> Сакральность обрядовой еды подчеркивается местом его размещения: хлеб подвешивали на матицу, хранили на печи, шкафу» [Алламуратова, 2015, с. 91].

3.3. Проявления сакрализации пространства в рекрутских обрядах

В традиционном рекрутском обряде большую смысловую нагрузку приобретала символика пространства. Это проявлялось в активизации пространства «верха» в системе оппозиции «верх» — «низ», в «графике» перемещений людей, в определённых действиях с «сакральными» предметами, в повышенном внимании к наиболее значимым элементам пространства избы и двора. «Инаковое» поведение и перемещение рекрута и его сопровождающих было характерным для всех рекрутских обрядов Урало-Поволжья.

Необычные действия по отношению к обыденности могли выполняться с водой (с вёдрами), а также с такими предметами, как печь, полотенца, платки, платочки, блюда, головные уборы [Назмутдинова, 2017, с. 84; Черных и др., 2013, с. 278]. Водной стихии и всем этим предметам приписывались магические свойства и в повседневной жизни. Во взаимодействии с ними большое значение уделялось видам движения или неподвижности.

Зачастую после отбытия рекрута в его доме актуализировались многие типичные для других семейных и календарных обрядов табу на некоторые

действия, связанные с едой, со столом, с водой. Данные запреты значительно ограничивали кинетическую активность домочадцев новобранца. Например, у башкир «после отъезда призывника <...> из дома старались ничего не давать, запрещалось убираться дома, мыть полы, стирать белье, ходить за водой» [Алламуратова, 2015, с. 91].

3.3.1. Проявление оппозиции «верх — низ» в рекрутских обрядах

Семиотическая оппозиция «верх» — «низ» [Толстой, 1995, с. 345—346] в рекрутском обряде народов Урало-Поволжья проявлялась в многочисленных действиях и манипуляциях с предметами в пространствах дома, леса, в символизации тела человека и его одежды, в гаданиях, в диалектных выражениях. В данных обычаях всегда акцентировалось положительное, магическое преимущество верха в вертикали пространства избы и тела человека, в действиях с растениями, в диалектных выражениях.

Например, *чуж* вбивали именно в матицу — центральную балку, поддерживающую потолок избы и являющуюся основой для крыши. В обычае прибавлении ленты / чука доминанта на «верхнем» — «положительном» — пространстве проведения ритуала — под потолком — усиливалась тем, что рекрут использовал для удобства стул или табурет. Мужчины могли его приподнимать на руках или поддерживать под руки [Попова, 2011, с. 147].

Ярким примером проявления оппозиции «верх» — «низ» в бесермянском и удмуртском рекрутских обрядах служил обычай срубания верхних веток или непосредственно верхушки дерева у ели. «Считалось, что, если дерево после этого засохнет, значит, этот человек не вернется домой, если не засохнет — вернется со службы...» [Владыкина и др., 2017, с. 238; Шуртова, 2001, с. 56].

О сакральном отношении к телесно ориентированным на человека проявлениям символов «верха» в рекрутском обряде, в частности, голове и шее, в бесермянском и удмуртском языках свидетельствуют диалектные выражения «йыро/кыз... (букв. ‘ель с головой’); чыртио/кыз... (букв. ‘ель с шей’); картузо/кыз... (букв. ‘ель с картузом’)» [Владыкина и др., 2017, с. 237—238; Попова, 2011, с. 150].

С гаданием на «жизнь / смерть будущего солдата» связано диалектное выражение *йыр йылаз султыны кулэ* — ‘встать на голову’: «После закрепления оберега к матице новобранец должен был бросить нож или молоток через плечо так, чтобы они не упали плашмя: нож должен был воткнуться в пол, а молоток — «встать на голову»...» [Владыкина и др., 2018, с. 146].

Сакральное восприятие верхней части тела и головных уборов в рекрутских обрядах также подчёркивается специфическими манипуляциями с собственно головой новобранца или с его шапкой, с женскими платками.

Например, аналогично русским *некрутам*, которые *наприкалывали* шапку к матице, «у малмыжских удмуртов (левобережье Вятки) перед выходом из дома новобранец должен три раза дотронуться своим головным убором до матицы» [Нуриева, 1999, с. 128]. В ряде чувашских населенных пунктов рекруту дарили «женские полотенеобразные головные уборы (*сурпан*)...» [Петров, 2015, с. 61].

И у русских жителей Удмуртии, и у удмуртов, чувашей, елабужских мари, пермских татар было принято, чтобы новобранец размахивал подаренным ему платком во время перемещения на призывной пункт. В ряде локальных традиций бытовало поверье о том, что рекруту надо было размахивать платком только по направлению «к себе». Это будто бы помогало благополучному возвращению новобранца со службы домой [Владыкина и др., 2018, с. 147; Герасимов, 1997, с. 43; Петров, 2015, с. 72; Назмутдинова, 2017, с. 84].

3.3.2. Перемещения по избе, действия с печью, столом, матицей, переход через порог

Действия, отображающие почитание стола и печи в рекрутских обрядах русских жителей Удмуртии, характерны также и для бесермянских, удмуртских, чувашских рекрутских обрядов [Петров, 2015, с. 68; Топорков, 2002, с. 450—451].

Так, в удмуртской традиции, бытовавшей на территории современной Башкирии, призывник кусал уголок печи, после чего это место нельзя было трогать, оно *ждало его* [Назмутдинова, 2017, с. 84]. В диалектном варианте рекрутского обряда марийцев Пермского края с целью благополучного возвращения новобранец «целовал печь» [Черных, 2007, с. 188].

В бесермянской обрядовой культуре действия, совершаемые вокруг печи и стола, обозначали «причастность к родственному коллективу и домашнему очагу. Например, стараясь <...> “закрепить” свои связи с родным домом, уходящий человек касается печи или обходит стол» [Попова, 2011, с. 53]. В описании отправления рекрута из дома Е. В. Поповой прослеживаются взаимосвязи в сакральном мировосприятии бесермянами еды, предметов, пространства избы и положения тела призывника: «...перед самым выходом из дома накрывают специальный стол, ставят на него хлеб или муку, масло, соль, напитки. Новобранец, поддерживаемый мужчинами, обходит его по ходу солнца, притрагивается к хлебу или откусывает его» [Попова, 2011, с. 53].

Как следует из приведённого фрагмента, отделение новобранца от родного сообщества, его очевидную принадлежность к иному миру символизировало накрытие отдельного стола продуктами, традиционно наделяемым магическим смыслом (хлеб, мука, соль, масло, напитки). Будущую «муж-

скую» — военную — среду и интенцию укрепления «мужского» духа рекрута подчёркивал обычай поддержки новобранца при обходе стола мужчинами.

В описании бесермянского рекрутского обряда прослеживается кинетическая параллель с русским обрядом из дер. Самки Глазовского района. Аналогично бесермянскому обряду поочерёдное «вождение» *некрута* гостями по избе под пение песни также могло наделяться функцией оберега [Топорков, 2002, с. 451].

В ряде исследований традиционной культуры коми-пермяков, удмуртов описывается появление рекрута в доме уже после его «последнего» выхода. Для этого новобранец делал вид, будто что-то «забыл», например, головной убор, хлеб. Иногда он обходил дом, надворные постройки, заглядывал в конюшню и в хлев, после чего возвращался в дом [Черных, 2007, с. 113].

Последний выход рекрута из дома в большинстве описаний обряда всегда необычен в кинетическом плане — новобранца поддерживали под руки или выносили на руках. Исследователи объясняют это верой народа в то, что магические действия способны облегчить дальнейшую военную службу новобранцу, положительно повлиять на неё [Петров, 2015, с. 69—70].

У бесермян «через порог новобранца выводили, придерживая за руки, а в отдельных селениях переносили на руках двое отслуживших парней...» [Попова, 2011, с. 148]. Марийцы, проживающие в Пермском крае, выходя из двери дома, не наклонялись [Черных, 2007, с. 189].

В удмуртском рекрутском обряде дер. Дубровский Киясовского района рекрут выходит из дома, «пятясь назад, а мать бросает ему под ноги какую-нибудь материю...» [Ирисова].

В башкирской традиционной культуре рекрут выходил из дома «с правой ноги, у заводжских башкир есть обряд уходящего на службу выводить из дома спиной вперед, символизирующий его успешное возвращение [Алламуратова, 2015, с. 91]. Во многих традициях рекруту не разрешалось оглядываться после его окончательного прощания с родными [Черных и др., 2013, с. 280].

3.4. Молитвы. Благопожелания

Согласно научным изысканиям Ж. В. Корминой, в русском рекрутском обряде родительское благословение было «кульминационной точкой проводов» [Кормина, 2005, с. 153]. В рекрутских обрядах народов Урало-Поволжья благословения, молитвы, благопожелания, напутствия, специальные словесные формулы, призванные обеспечить новобранцу благополучную службу, звучали на протяжении всего ритуала. Максимальное их количество приходилось на день проводов [Петров, 2015, с. 65; Алламуратова, 2015, с. 91].

Функцию благопожеланий могли выполнять специальные словесные формулы, проговариваемые рекрутом или его родными в ситуациях преподнесения подарков, выхода из дома при отправлении на службу [Ирисова]. Бытующий у коми-пермяков оригинальный обычай благословения призывника сначала лошадей, а потом уже родителями описан А. В. Черных [Черных, 2007, с. 113].

При выходе из дома в южно-удмуртской традиции рекруты обращались к матице, а в бесермянской традиции — к собаке со сходными по звучанию и смыслу словами с просьбами об ожидании их возвращения. Е. В. Попова приводит обычай кормления призывником собаки куском хлеба, посыпанного солью, со словами: «*Воз-ма монэ!*» (букв. «Жди меня!») [Попова, 2011, с. 148]. В южных районах Удмуртии рекрут проговаривал подобные слова, дотрагиваясь до матицы, либо произносил их перед выходом из дома [Ирисова; Назмутдинова, 2017, с. 84].

4. Выводы

Итак, в результате анализа и реконструкции рекрутских обрядов русско-го населения современной Удмуртии было выявлено, что проведение конкретных ритуалов обладало как типичными, так и самобытными чертами [Толкачева, 2019, с. 296—298]. На примерах рекрутских обрядов чувашского народа данное явление досконально описано И. Г. Петровым [Петров, 2015].

При сравнении фрагментов рекрутского обряда русских жителей Удмуртии и других народов Урало-Поволжья — удмуртов, бесермян, башкир, коми-пермяков, марийцев, татар, чувашей — обнаружено их типологическое сходство. Подобный феномен можно объяснить рядом факторов, и прежде всего введением Петром I в 1705 году указа «О рекрутской повинности».

В исследованиях А. К. Байбурина, Ж. В. Корминой, Г. А. Левинтона, И. Г. Петрова, Е. В. Поповой, А. В. Черных [Байбурин, 1993; Байбурин и др., 1990; Кормина, 2005; Петров, 2015; Попова, 2011; Черных, 2001; Черных и др., 2013 и др.] доказано, что и русские, и бесермянские, и чувашские рекрутские ритуалы формировались по аналогии со свадебными и похоронными обрядами. Несмотря на различные этногенетические корни народов, проживающих в Урало-Поволжье, сходные ландшафтные условия, социальные и экономические связи, установившиеся на данной территории, способствовали активным этнокультурным контактам.

Многочисленные этнографические параллели в проведении традиционных рекрутских обрядов народами Урало-Поволжья могут свидетельствовать о сходных мифологических представлениях ритуального оформления обрядов «проводного» типа, о вере в благотворное влияние на ре-

крутов древних магических практик, связанных со словом, с кинетикой, с пространственной и временной символикой, с едой.

Список информантов

Дурновцев — Дурновцев Алексей Николаевич, 1930 г. р., село Камское Воткинского района Удмуртии, урожай. дер. Шараша Пермской области.

Дурновцева — Дурновцева Прасковья Васильевна, 1923 г. р., село Камское Воткинского района Удмуртии, урожай. села Лисья Пермской области.

Кашникова — Кашникова Фаина Григорьевна, 1932 г. р., дер. Боярка Каракулинского района Удмуртии, урожай. дер. Костоватово.

Кузнецова — Кузнецова Александра Демидовна, 1905 г. р., дер. Дремино Воткинского района Удмуртии.

Молкова — Молкова Нина Александровна, 1914 г. р., дер. Дремино Воткинского района Удмуртии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алламуратова Л. Х.* Рекрутский обряд башкир / Л. Х. Алламуратова // Перспективы науки = SCIENCE PROSPECTS. — 2015. — № 11 (74). — С. 90—92.

2. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 240 с.

3. *Байбурин А. К.* Похороны и свадьба / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд : сборник статей. — Москва : Наука, 1990. — С. 76—77.

4. *Богданова Ю. П.* Певческая традиция фольклорного ансамбля «Родные напевы» с. Карсовой Базезинского района : история формирования : выпускная квалификационная работа / Ю. П. Богданова. — Ижевск, 2019. — Рукопись.

5. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба Среднего Прикамья / В. Г. Болдырева, С. В. Толкачева. — Ижевск : Шелест, 2018. — 302 с.

6. *Владыкина Т. Г.* «Именные деревья» (нимтуло писпу) в микропонимии удмуртов / Т. Г. Владыкина, Л. Е. Кириллова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 232—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246.

7. *Владыкина Т. Г.* Чук в традиционной культуре удмуртов / Т. Г. Владыкина, Г. А. Глухова, Т. И. Панина // Традиционная культура. — 2018. — Т. 19, № 1. — С. 139—151.

8. *Герасимов О. М.* Элнет кундемын поянлыкше : музыкальный фольклор елабужских мари : сборник песен и инструментальных наигрышей с аналитическим материалом / О. М. Герасимов. — Йошкар-Ола : Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1997. — 240 с.

9. *Ирисова П. Ю.* Проводы в армию : исследовательская работа [Электронный ресурс] / П. Ю. Ирисова. — 2017. — Режим доступа : <https://infourok.ru/issledovatel'skaya-rabota-provodi-v-armiyu-1735107.html>.

10. *Кормина Ж. В.* Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа / Ж. В. Кормина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — 376 с.

11. *Кудрявцева И. К.* Традиционное поведение удмуртской молодежи: половозрастной аспект (на примере удмуртов Слободского района Кировской области) / И. К. Кудрявцева // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. — 2017. — № 7. — С. 79—83.

12. Назмутдинова И. К. Семейный этикет в системе традиционной культуры удмуртов : монография / И. К. Назмутдинова. — Ижевск : Шелест, 2017. — 224 с.
13. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов : проблемы культурного контекста и традиционного мышления / И. М. Нуриева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — 272 с.
14. Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX — начало XX в.) / И. Г. Петров // Чувашский гуманитарный вестник. — 2015. — № 10. — С. 51—87.
15. Попова Е. В. Культурные памятники и сакральные объекты бесермян / Е. В. Попова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2011. — 317 с.
16. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 421 с.
17. Толкачева С. В. Рекрутский обряд в русской традиционной культуре Удмуртии / С. В. Толкачева // Прикамское собрание : материалы III Всероссийского открытого научно-практического форума «Ресурсы развития российских территорий» (27—28 сентября 2019 г., г. Сарапул) : сборник статей. — Ижевск-Сарапул, 2019. — С. 293—299.
18. Толстой Н. И. Верх-низ / Н. И. Толстой // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 1 / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — С. 345—346.
19. Топорков А. Л. Стол / А. Л. Топорков // Славянская мифология : энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — С. 450—451.
20. Фертиков П. П. Починок Патраковский — деревня Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики. 1863—2008 : страницы истории / П. П. Фертиков. — Ижевск : Удмуртия, 2008. — 168 с.
21. Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) / А. В. Черных // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре : социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. — Москва : Лабиринт, 2001. — С. 142—149.
22. Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография / А. В. Черных. — Пермь : Пушка, 2007. — 296 с.
23. Черных А. В. Марийцы Пермского края : очерки истории и этнографии / А. В. Черных, Т. Г. Голева, Р. И. Щукина. — Пермь : ОТ и ДО, 2013. — 530 с.
24. Шутова Н. И. Дохристианские культурные памятники в удмуртской религиозной традиции : опыт комплексного исследования / Н. И. Шутова. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 304 с.

TRADITIONAL RECRUITMENT RITES OF RUSSIAN RESIDENTS OF UDMURTIA: ETHNOGRAPHIC PARALLELS WITH RECRUITMENT RITES OF URAL-VOLGA REGION PEOPLES

© Svetlana V. Tolkacheva (2020), orcid.org/0000-0002-9362-3017, PhD in Philology, senior research scientist, Department of Philological Studies, Federal State Budgetary Institution of Science Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), svetlana-tolk@mail.ru.

The article is devoted to the reconstruction of the Russian recruitment rite that existed in the territory of modern Udmurtia in the early and mid-20th century. The source base for the reconstruction was ethnographic stories recorded by the author in the 1990s in folklore and ethnographic expeditions of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. As a result of preliminary analysis and systematization of the material, the functioning of a single, general structure of the ritual in this region is proved. The article demonstrates the tendency of the Russian traditional culture of the region to unite into two large ethno-cultural areas. The relevance of the work is due to the fact that the recruitment rites of Russian residents of Udmurtia were first considered in the context of traditional recruitment rites of other peoples of the Ural-Volga region. The results of a comparative analysis of Russian recruitment rituals in Udmurtia and traditional recruitment rituals of Bashkirs, Besermyans, Komi-Permyaks, Mari, Tatars, Chuvash, Udmurts living in the Ural-Volga region are presented. The typological similarity of recruitment rites of these peoples is proved. The analysis revealed numerous ethnographic parallels in the conduct of traditional recruitment rites among the peoples of the Ural-Volga region and the Russian population of modern Udmurtia.

Key words: recruit; Russian ritual folklore of the Udmurt Republic; sendoff; recruitment rites; Ural-Volga region.

REFERENCES

- Allamuratova, L. Kh. (2015). Rekrutskiy obryad bashkir *Perspektivy nauki = SCIENCE PROSPECTS*, 11 (74): 90—92. (In Russ.).
- Bayburin, A. K. (1993). *Ritual v traditsionnoy kulture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavlyanskikh obryadov*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Bayburin, A. K., Levinton, G. A. (1990). Pokhorony i svadba. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavlyanskoy dukhovnoy kultury. Pogrebalnyy obryad: sbornik statey*. Moskva: Nauka. 76—77. (In Russ.).
- Bogdanova, Yu. P. (2019). *Pevcheskaya traditsiya folklorного ansamblya «Rodnyye napevy» s. Karsovay Balezinskogo rayona: istoriya formirovaniya: vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota*. Izhevsk. (In Russ.).
- Boldyreva, V. G., Tolkacheva, S. V. (2018). *Russkaya svadba Srednego Prikamya*. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).
- Chernykh, A. V. (2001). Povedencheskie normy v rekrutskoy obryadnosti (po materialam Permskogo Prikamya). In: *Muzhskoy sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v traditsionnoy kulture: sotsialnyye i professionalnyye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaya atributika i formy povedeniya. Muzhskoy folklor*. Moskva: Labirint. 142—149. (In Russ.).
- Chernykh, A. V. (2007). *Narody Permskogo kraya. Istoriya i etnografiya*. Perm: Pushka. (In Russ.).
- Chernykh, A. V., Goleva, T. G. Shchukina, R. I. (2013). Mariytsy Permskogo kraya: ocherki istorii i etnografii. Perm: OT i DO. (In Russ.).
- Fertikov, P. P. (2008). *Pochinok Patrakovskiy — derevnya Patraki Yakshur-Bodyinskogo rayona Udmurtskoy Respubliki. 1863—2008: stranitsy istorii*. Izhevsk: Udmurtiya. (In Russ.).
- Gerasimov, O. M. (1997). *Elnet kundemyn poyanlykshe: muzykalnyy folklor elabuzhskikh mari: sbornik pesen i instrumentalnykh naigryshey s analiticheskim materialom*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy poligraficheskoy izdatelskiy kombinat. (In Russ.).

- Irisova, P. Yu. (2017). *Provody v armiyu: issledovatel'skaya rabota*. Available at: <https://infourok.ru/issledovatel'skaya-rabota-provodi-v-armiyu-1735107.html>. (In Russ.).
- Kormina, Zh. V. (2005). *Provody v armiyu v poreformennoy Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza*. Moskva: Novoye literaturnoye obozrenie. (In Russ.).
- Kudryavtseva, I. K. (2017). Traditsionnoye povedenie udmurtskoy molodezhi: polovozrastnoy aspekt (na primere udmurtov Slobodskogo rayona Kirovskoy oblasti). *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Preduraliya*, 7: 79—83. (In Russ.).
- Nazmutdinova, I. K. (2017). *Semeynyy etiket v sisteme traditsionnoy kultury udmurtov*. Izhevsk: Shelest. (In Russ.).
- Nurieva, I. M. (1999). *Muzyka v obryadovoy kulture zavyatskikh udmurtov: problemy kulturnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Petrov, I. G. (2015). *Provody v rekruty u chuvashhey (konets XIX — nachalo XX v.)*. *Chuvashskiy gumanitarnyy vestnik*, 10: 51—87. (In Russ.).
- Popova, E. V. (2011). *Kultovyye pamyatniki i sakralnyye obyekty besermyan*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Shutova, N. I. (2001). *Dokhristianskie kultovyye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: opyt kompleksnogo issledovaniya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. (2011). *Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurechya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. (2019). Rekrutskiy obryad v russkoy traditsionnoy kulture Udmurtii. In: *Prikamskoye sobranie: materialy III Vserossiyskogo otkrytogo nauchno-prakticheskogo foruma «Resursy razvitiya rossiyskikh territoriy»*. Izhevsk-Sarapul. 293—299. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (1995). Verkh-niz. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvistiicheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 5/1: 345—346. (In Russ.).
- Toporkov, A. L. (2002). Stol. In: *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 450—451. (In Russ.).
- Vladykina, T. G., Glukhova, G. A., Panina, T. I. (2018). Chuk v traditsionnoy kulture udmurtov. *Traditsionnaya kultura*, 19 (1): 139—151. (In Russ.).
- Vladykina, T. G., Kirillova, L. E. (2017). «Imennye derevya» (nimitulo pispu) v mikrotoponimii udmurtov [“Nominal Trees” (нимтуло писпу) in Microtoponymy of Udmurts]. *Nauchnyi dialog*, 11: 232—246. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-232-246. (In Russ.).